

На правах рукописи

Архипова Екатерина Анатольевна

**СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI В.**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Иллерицкая Наталия Владимировна

Официальные оппоненты: **Мохначева Марина Петровна**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»,
кафедра истории России средневековья и раннего нового времени, профессор

Богданов Владимир Павлович
кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
лаборатория истории культуры исторического факультета,
старший научный сотрудник

Ведущая организация: ФГБУН Институт российской истории РАН

Защита состоится 21 июня 2013 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.198.03, созданного на базе РГГУ, по адресу: ГСП-3, 125993 Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: ГСП-3, 125993 Москва, Миусская пл., д. 6.

Автореферат разослан 20 мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.В. Барышева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современном историческом знании происходит переосмысление места историографии в системе исторических дисциплин. Историография теперь рассматривается как заместитель самой истории, как важный инструмент конструирования прошлой социальной реальности и корректировки традиционной исторической науки¹.

Старообрядческое предпринимательство второй половины XVIII – начала XX в. является уникальным для истории России проявлением альтернативной, неэтикетской, органической модернизации. В связи с этим частное предпринимательство старообрядцев, развивавшееся во многом вопреки, а не благодаря действиям российских властей, их особая хозяйственная этика и культура требуют самого серьезного и глубокого осмысления.

В этом контексте исторический опыт старообрядческого предпринимательства приобрел особое общественное звучание.

Но исторический опыт не дан нам непосредственно, поэтому особое значение в современном историческом знании приобрело изучение интеллектуального конструирования. Применительно к нашей теме такой подход позволил не только переосмыслить историографию старообрядческого предпринимательства, но и сформулировать новые вопросы, соответствующие современному уровню развития исторической науки и запросам современного российского общества.

Историографический анализ проблемы дал возможность не только выявить общие тенденции формирования и развития исторического знания в области экономической истории России второй половины XVIII – начала XX в., но и раскрыть интеллектуальные и идеологические трансформации в историческом знании России середины XIX – начала XXI в.

Таким образом, опыт интеллектуального конструирования истории старообрядческого предпринимательства и шире – старообрядческого хозяйствования в российской историографии середины XIX – начала XXI в. является актуальной научной **проблемой**.

Степень изученности темы. Первые попытки систематизации исследований по истории старообрядчества предпринимались уже во второй половине XIX

¹ См.: Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 502; Лукьянов Д.В. Исследовательские практики исторического конструирования реальности в современной историографии // Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов: мат. межд. науч. конф. (25 октября 2012 г.) / под ред. А.П. Логунова, М.А. Гордеевой, Н.А. Медушевского. М., 2012. С. 12.

– начале XX в. (А.С. Пругавин, П.С. Смирнов, В.З. Белоликов, Ф.Е. Мельников). В этот период были выделены различные направления изучения старообрядчества, среди них: официально церковное направление, исследования Министерства внутренних дел, школа А.П. Щапова, народническая историография. Специально рассматривался вопрос об изучении раскола чиновниками МВД (Н.В. Варадинов, П.И. Мельников, М.Н. Василевский). Дореволюционный период историографии старообрядчества также ознаменовался появлением первых биографических работ о таких видных исследователях старообрядчества, как А.П. Щапов и П.И. Мельников (Н.Я. Аристов, Н.Н. Козьмин, П.С. Усов).

Характерной чертой историографии советского периода стал интерес исследователей к интеллектуальному наследию революционных демократов, народников и марксистов, к их опыту изучения старообрядчества и сектантства (П.Г. Рындзюнский, А.И. Клибанов, В.Д. Шахнович, А.Н. Цамутали, В.И. Харламов, Л.Ф. Чащина). Особое внимание советские историографы уделяли творчеству А.П. Щапова (М.Н. Покровский, М.Е. Киреева, П.И. Кабанов, М.В. Научитель, М.В. Нечкина, Б.П. Козьмин, Г.Н. Вульфсон и др.). Последний, хотя и критиковался за идеализацию раскола, считался первооткрывателем его социально-политической сущности.

В этой связи особое место занимает диссертация Е.А. Вишленковой, которая во многом пересмотрела господствующую в советской историографии точку зрения на концепцию А.П. Щапова, показав, что он не был первым гражданским историком раскола. До него изучением раскола занимались правительственные чиновники. И именно правительственные исследования, политизировавшие раскол, оказали влияние на формирование концепции А.П. Щапова. Е.А. Вишленкова указала на тот факт, что А.П. Щапов использовал отчет П.И. Мельникова. Тем самым исследовательница развивала идеи о связи правительственной и демократической концепций раскола и о влиянии отчета П.И. Мельникова на концепцию А.П. Щапова, высказанные еще в дореволюционной историографии.

В 1990-е – 2000-е гг., в связи с актуализацией истории старообрядчества появляется значительное число исследований, в которых предпринимаются попытки дать целостный анализ историографии старообрядчества, охарактеризовать основные направления его исследования (В.В. Молзинский, Н.Н. Покровский, А.В. Костров, Д.А. Балалыкин, К.А. Кузоро).

В обобщающих работах по историографии старообрядчества В.В. Молзинского, Н.Н. Покровского, Д.А. Балалыкина заметна тенденция начи-

нать отсчет традиции изучения старообрядчества со второй половины XVII в. Тем самым помимо официальной церковной историографии исследователи рассматривают как самостоятельное направление – старообрядческую историографию, зародившуюся в этот период. Таким образом, в современных исследованиях выделяются следующие направления дореволюционной историографии старообрядчества: официально церковное направление, старообрядческое, демократическое, «полицейско-доносительское» (Н.Н. Покровский относит к этому направлению Ф.В. Ливанова, П.И. Мельникова, Н.И. Субботина), исследования «историков государственно-православной ориентации» (В.В. Молзинский относит к этому направлению, в частности, С.М. Соловьева, П.И. Мельникова, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова).

Данные работы ценны тем, что в них анализируется не только дореволюционный опыт изучения истории старообрядчества, но также советский и современный.

Помимо этого было продолжено изучение жизни и творчества таких видных исследователей старообрядчества и сектантства, как А.П. Щапова (А.С. Маджаров и др.), В.И. Кельсиева (К.А. Соловьев и др.), П.И. Мельникова (В.В. Боченков и др.), А.С. Пругавина (А.М. Пашков, Б.Б. Сажин).

Историография старообрядческого предпринимательства не становилась предметом специального анализа в научной литературе. Но этот вопрос не могли оставить без внимания историки и экономисты, специально занимавшиеся данной проблемой. В рамках историографических обзоров, предварявших их собственные исследования, Т.А. Хохлова, Д.Е. Расков, В.В. Керов осветили основные тенденции в развитии исторического знания в области истории старообрядческого предпринимательства. Одну из своих статей В.В. Керов специально посвятил анализу англо-американской историографии старообрядческого предпринимательства².

В западной исторической науке попытка исследования историографии старообрядческого предпринимательства XVIII–XIX вв. была предпринята уже в 80-е гг. XX в.³ В центре внимания немецкого историка Херманна Бейера оказалась как западная (в том числе эмигрантская), так и советская историография XX в. В

² Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство: «мифы» и «легенды» англо-американской историографии // Экономическая история. Обзорение. М., 2000. Вып. 5. С. 82–86.

³ *Beyer H. Marx, Weber und die russischen Altgläubigen. Das atgläubige Untermertum des 18. und 19. Jahrhunderts in der Forschung seit 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30, h. 4. S. 541–574.*

своем исследовании историк подчеркивает определяющее влияние марксистской и веберовской концепций на изучение старообрядческого предпринимательства соответственно в советской и западной историографии. По мнению Х. Бейера, значительное влияние на интерпретации советских и западных историков оказывала дореволюционная историография.

Таким образом, можно заключить, что содержательно историография старообрядческого предпринимательства еще не сложилась. За исключением статей Х. Бейера и В.В. Керова, специальных исследований по данному вопросу не предпринималось, хотя необходимость в современном подходе к этой проблеме в науке уже назрела.

Объект диссертационного исследования – литература о старообрядческом предпринимательстве середины XIX – начала XXI в.

Предмет диссертационного исследования – основные концепции исследования старообрядчества как экономической общности, сложившиеся в научно-исследовательской литературе в середине XIX – начале XXI в.

Цель работы – исследовать историю идеи старообрядчества как экономической общности с середины XIX до начала XXI в.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Рассмотрена история историографии старообрядчества как экономической общности в середине XIX – начале XX в.
2. Определена специфика развития советской историографии старообрядчества как экономической общности.
3. Выявлены интеллектуальные факторы, способствовавшие конструированию целостного знания о старообрядческом предпринимательстве в современной российской историографии.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница работы – 40-е–50-е гг. XIX в. В этот период МВД стало проводить исследования раскола, включавшие в себя сбор архивных материалов и составление исторических очерков, а также статистические экспедиции, целью которых было выяснение истинного положения раскола на местах.

Эта нижняя хронологическая граница обусловлена также тем, что в историографии сложилась традиция, с одной стороны, именно с министерских исследований начинать отсчет светского научного исследования старообрядчества, с другой стороны, многие исследователи указывают на то, что в своих отчетах чинов-

ники одними из первых обратили внимание на экономическую активность старообрядцев.

Верхняя хронологическая граница исследования – начало 1990-х гг., когда в российской историографии началось всестороннее изучение истории старообрядческого предпринимательства.

Теоретико-методологические основания исследования. Диссертационное исследование выполнено в рамках проблемного поля интеллектуальной истории. На современном этапе развития исторического знания история историографии рассматривается как особый проект интеллектуальной истории. В связи с этим происходит переосмысление предмета, проблематики и концептуального аппарата историографических исследований⁴.

Исходной предпосылкой как интеллектуальной истории в целом, так и истории историографии, в частности, «является осознание неразрывной связи между историей самих идей и концепций, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности – с другой»⁵. Таким образом, история идеи изучается в самом широком интеллектуальном и социально-политическом контексте. В центре внимания оказывается процесс производства знания, способы его трансляции и бытования как в профессиональном сообществе, так и в широких общественных кругах.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования стала исследовательская программа основоположника истории идей А. Лавджоя, а точнее следующие ее положения:

1. Любая концепция складывается из элементарных идей (идей-единиц) и задача историка идей выделить эти «элементарные единицы».

2. В рамках истории идей значительное внимание уделяется не только текстам великих мыслителей и писателей, но также тому, как в целом была представлена идея в общественном сознании того или иного поколения.

3. Изучение идеи предполагает ее развитие в различных областях, где бы она ни была представлена.

Таким образом, история идей разрушает дисциплинарные границы и утверждает принципы системного анализа.

⁴ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 391.

⁵ Там же. С. 394.

В работе также был применен метод «археологии знания» М. Фуко. Археологическое описание «стремится установить *закономерность* [курсив автора – Е.А.] (regularite) высказываний»⁶. Под закономерностью в данном случае понимается «совокупность условий, в которых осуществляется функция высказывания, обеспечивающая и определяющая существование абсолютно любой вербальной реализации (необычной или заурядной, единственной в своем роде или тысячу раз повторенной)»⁷. Одним из базовых понятий метода археологического описания является «дискурс». М. Фуко определяет дискурс как «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования»⁸.

Применение метода археологии знания позволило рассмотреть идею старообрядчества как экономической общности как совокупность высказываний, рассеянных по разным дискурсам, выявляя закономерности их формирования и объясняя причины исключения данных высказываний из тех или иных дискурсов.

Источниковую базу исследования составляют как опубликованные, так и неопубликованные историографические источники.

Неопубликованные источники. Для более подробного изучения обстоятельств, специфики и последствий исследования раскола, предпринятого МВД в 40–50-е гг. XIX в. и продолжавшегося в 60-е гг. XIX в., нами были привлечены архивные материалы РГИА (Ф. 1284 «Департамент общих дел МВД», Ф. 1473 «Секретный комитет по делам раскола»), ОР РНБ (Ф. 775 «Собрание А.А. Титова»), РГАЛИ (Ф. 321 «П.И. Мельников-Печерский»). В исследовании впервые специально рассмотрены черновики записок Н.И. Надеждина, адресованные Л.А. Перовскому. В них Н.И. Надеждин излагает план исследования, свои соображения относительно организации работ, а также сообщает о первых результатах. Особый интерес для целей диссертационного исследования представляли материалы статистических экспедиций 50-х гг. XIX в.: в частности, инструкции чиновникам по изучению раскола, отчеты чиновников, а также переписка между министром внутренних дел и губернаторами о положении раскола в губерниях и мерах по борьбе с ним. Были использованы материалы, связанные с исследованиями Л.И. Арнольди и П.А. Брянчанинова в Костромской губернии, И.С. Сеницына в Ярославской губернии, Ю.К. Арсеньева в Новгородской губер-

⁶ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 268.

⁷ Там же. С. 268–269.

⁸ Там же. С. 210.

нии и Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии, а также материалы по исследованию Санкт-Петербургской губернии.

Особый интерес для нас представляли материалы фонда В.Д. Бонч-Бруевича (ОР РГБ. Ф. 369): прежде всего его статьи о современном состоянии сектантов и старообрядцев, написанные в 20–х гг. XX в. Впервые были введены в оборот источники, отражающие деятельность П.Г. Рындзюнского в секторе истории религии и атеизма: рецензия В.Д. Бонч-Бруевича 1948 г. на рукопись П.Г. Рындзюнского «Московская община федосеевцев в середине XIX в.», а также план исследования П.Г. Рындзюнского «Вопросы истории старообрядчества и сектантства XVIII – первой половины XIX в.» 1949 г.

Значительный массив источников был выявлен в фондах Архива Российской академии наук. В ходе исследования мы опирались на документы, раскрывающие деятельность Антирелигиозной секции Института философии Коммунистической академии: протоколы заседаний, планы научно-исследовательской работы, отчеты о проделанной работе, переписку с организациями и сотрудниками, материалы обсуждений докладов.

Среди использованных в работе материалов имеются также документы, в которых содержится информация о биографии и научной деятельности сотрудников Коммунистической академии: В.Д. Бонч-Бруевича, Ф.М. Путинцева и А.Т. Лукачевского.

Для анализа исследовательской практики в области изучения религии в 30–е гг. XX в. были рассмотрены стенограммы Всесоюзного совещания антирелигиозных кафедр и отделений научно-исследовательских учреждений, проведенного в декабре 1930 г.; стенограммы Всесоюзной антирелигиозной конференции, проходившей в октябре 1931 г., а также протоколы заседания дирекции Института философии, на котором обсуждались итоги второй Всесоюзной антирелигиозной конференции, прошедшей в июне 1934 г.

Привлекались также протоколы заседаний Президиума и Малого президиума Комакадемии, в которых имеются сведения о «Библиографии религиозно-общественных движений в России и СССР», составленной В.Д. Бонч-Бруевичем. Помимо этого были проанализированы рецензии сотрудников Института истории СССР на статью В.Д. Бонч-Бруевича «Сектантство и старообрядчество в России в первой половине XIX в.», написанную им еще в 1930 г., а в 1940 г. подготовленную для многотомного издания «Истории СССР».

В диссертационном исследовании особое внимание было уделено активизации атеистической работы во второй половине 50-х – 60-е гг. XX в. В связи с этим были проанализированы материалы, раскрывающие обстоятельства организации сектора истории религии и атеизма в Академии наук СССР в 1955 г. Особое место в историографии старообрядческого предпринимательства занимают работы П.Г. Рындзюнского. Были привлечены стенограммы защиты его докторской диссертации, состоявшейся в июне 1959 г.

Опубликованные источники. Опубликованные источники можно разделить на следующие группы.

1. Источники, в которых представлены результаты исторических, статистических, этнографических исследований, посвященных как старообрядчеству в целом, так и старообрядческому предпринимательству, в частности. Это работы обобщающего характера (А.П. Щапова, В.В. Андреева, Н.М. Никольского, И.А. Кириллова, В.Ф. Миловидова), монографии (П.И. Мельникова, В.В. Керова), диссертации (Д.Е. Раскова, А.В. Стадникова, Т.А. Хохловой и др.), статьи (Н.Я. Аристова, Ф.М. Путинцева, Н.В. Козловой, И.Н. Юркина и др.), материалы конференций и продолжающихся изданий.

2. Научные исследования и материалы дискуссий, которые напрямую не касаются темы старообрядчества и старообрядческого предпринимательства, но вместе с тем дают представление о развитии исторической науки. К этой группе относятся: теоретические работы Н.И. Надеждина; материалы дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского 1922 г.; материалы дискуссии 1949–1951 гг. о периодизации; материалы Всесоюзной сессии историков 1965 г.; советские исследования по истории буржуазии, в том числе по истории такой социальной группы, как «капиталистские крестьяне»; различного рода материалы, касающиеся изучения менталитета в российской историографии 1990-х гг.

3. Публицистические работы и материалы политических дискуссий на страницах периодической печати, касающиеся социально-экономического положения старообрядцев и сектантов (Ф.В. Ливанова, И.И. Каблиця (Юзова), А.С. Пругавина, Я.В. Абрамова, В.Д. Бонч-Бруевича). Также нами были привлечены материалы дискуссии, развернувшейся в 1924 г. на страницах периодической печати относительно 13 пункта тезисов М. Калинина «О работе в деревне». Рассматривалась публицистика 1990-х гг., посвященная историческому опыту старообрядческого хозяйствования (Д. Казутин, В. Вышегородцев, М.Ю. Рошин).

4. Рецензии на научные и публицистические работы, которые позволяют представить интеллектуальную атмосферу эпохи, спектр мнений, реакцию общественных и научных кругов на то или иное сочинение. К этой группе источников относятся рецензии на сочинения П.И. Мельникова, В.В. Андреева, Ф.В. Ливанова, В. Зомбарта и др.

5. Социологические и экономические исследования, в которых поднималась проблема влияния религии на развитие экономики, в частности роль старообрядчества в развитии российской экономики. К этой группе источников относятся работы М. Вебера, В. Зомбарта, С.Н. Булгакова, а также работы советских исследователей, посвященные анализу интеллектуального наследия М. Вебера (А.И. Неусыхина, А.А. Кузнецова, А.И. Патрушева, Ю.Н. Давыдова). В эту группу источников также входят статьи российских экономистов 1990-х гг., посвященные специфике российской модернизации и особенностям российского предпринимательства (А.А. Соболевской, Г.Д. Гловели, Н.Н. Зарубиной).

6. Законодательные источники, раскрывающие политику властей в отношении экономической деятельности старообрядцев. К этой категории источников относятся высочайшие повеления, циркуляры министерства внутренних дел и министерства финансов 50–60-х гг. XIX в., касающиеся права старообрядцев записываться в купечество, а также воззвание Народного комиссариата земледелия «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей» 5 октября 1921 г.

Таким образом, исследование проводится на репрезентативной источниковой базе, что дает возможность решить поставленные научные задачи.

Научная новизна исследования.

1. В работе впервые проанализирована история идеи старообрядчества как экономической общности с середины XIX до начала XXI в. Показана специфика интерпретации данной идеи в дореволюционный период (середина XIX – начало XX в.), советский (1920-е – конец 1980-х гг.), современный (начало 1990-х – 2000-е гг.) в контексте трансформации интеллектуальной культуры и политических практик.

2. В диссертации на основе опубликованных и архивных источников был предпринят целостный анализ мероприятий МВД по изучению раскола в 40–50-е гг. XIX в. Исследование отчетов о результатах статистических экспедиций показало, что старообрядчество, с точки зрения чиновников, представляло собой

не только религиозную, но и экономическую общность, успехи которой способствовали распространению старообрядчества.

3. В диссертационном исследовании была выявлена специфика презентации идеи старообрядчества как экономической общности в официально-государственном, народническом, марксистском, публицистическом и научном историографическом дискурсах второй половины XIX – начала XXI в. Исследована ее трансформация на теоретико-методологическом и источниковом уровнях.

4. В работе впервые введены в научный оборот источники из фондов Архива Российской академии наук, раскрывающие деятельность Коммунистической академии и Академии наук СССР в сфере изучения религиозных движений. На основании данных источников был проанализирован советский опыт изучения старообрядчества в конце 1920-х – 1950-е гг.

5. В диссертации впервые исследована российская историография 1990 х – начала 2000-х гг., посвященная истории старообрядческого предпринимательства. В результате выявлены базовые конструкции и историографические стереотипы в исследовании проблемы (идеализация старообрядческого предпринимательства и преувеличение его роли в экономической жизни страны), которые препятствуют приращению нового научного знания. В ходе исследования выявлены спорные вопросы в осмыслении феномена старообрядческого предпринимательства и сформулирован научный прогноз их дальнейшей разработки.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и семинарских курсах по истории отечественной исторической науки, интеллектуальной истории, истории российского предпринимательства, а также при разработке специальных курсов по истории религиозных движений.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ. Апробация промежуточных результатов исследования проводилась в форме выступлений на международных и всероссийских научных конференциях. Основные положения диссертационного исследования представлены в виде 10 публикаций в научных изданиях (в т.ч. 4 из перечня ВАК).

Структура диссертационного исследования соответствует цели и задачам исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** формулируется научная проблема исследования, обосновывается ее актуальность, определяются цель и задачи работы, ее хронологические рамки, характеризуются теоретические и методологические основания исследования, а также источниковая база, определяется научная новизна, обосновывается структура работы.

В **первой главе** диссертации «**Экономическая общность старообрядцев в дискурсах второй половины XIX – начала XX в.**» рассматривается формирование идеи о старообрядчестве как экономической общности и ее трансформации в различных дискурсах второй половины XIX – начала XX в.

Первый параграф посвящен исследованиям раскола, предпринятым МВД в 40–50-е гг. XIX в., и влиянию их результатов на политику властей в отношении старообрядцев.

Исследование раскола было инициировано министром внутренних дел графом Л.А. Перовским, возглавлявшим министерство с 1841 по 1852 г. При участии Н.И. Надеждина была разработана исследовательская программа, включавшая в себя историческую, догматическую, статистическую и юридическую части. Н.И. Надеждин планировал составить полную историю раскола, для чего производились соответствующие архивные изыскания, создавалась коллекция старообрядческих книг и рукописей при МВД, составлялись исторические очерки по отдельным темам.

В рамках МВД Н.И. Надеждин стремился создать нечто похожее на исследовательскую группу, которая должна была состоять из вольнонаемных писцов, министерских чиновников и приглашенных специалистов. Эта группа должна была заняться сбором и разработкой материала. Создание обобщающих работ по каждому из разделов программы он собирался взять исключительно на себя. Проект Н.И. Надеждина абсолютно соответствовал идеалу исторической науки того времени, который выражался в вере в то, что собрав и критически обработав все существующие источники, возможно написать полную и объективную историю.

Статистическая часть программы исследования была реализована в 1852 г., когда были организованы экспедиции в Нижегородской, Костромской и Ярославской губерниях. При следующем министре Д.Г. Бибикове эта практика была продолжена.

Исследования, проведенные чиновниками МВД в 40–50-е гг. XIX в., вскрыли социальный и экономический аспекты старообрядчества. Они показали, что

современное старообрядчество представляло собой уже не только и не столько сообщество единоверцев, сколько экономически независимый и успешно функционирующий социум. В отчетах чиновников проявилась двойственность оценки экономической успешности старообрядцев: с одной стороны, это лучшие представители русского народа, способствующие развитию экономики страны, с другой – свои экономические ресурсы они используют для распространения своего вероучения. Таким образом, экономическая составляющая старообрядческого движения продолжала рассматриваться в тесной взаимосвязи с религиозной. Подобный взгляд предопределил конкретные законодательные меры Николая I, призванные ограничить экономическую активность старообрядцев и сектантов, и продолжал отстаиваться некоторыми чиновниками в период царствования Александра II.

Во **втором параграфе** рассматриваются две точки зрения на старообрядческое предпринимательство, представленные в сочинениях П.И. Мельникова и Ф.В. Ливанова. Если для П.И. Мельникова это положительное проявление раскола, которое следует принять, исследовав его причины, то для Ф.В. Ливанова старообрядческое предпринимательство – безусловное зло, как в религиозном плане, так и в экономическом. И хотя и Ф.В. Ливанов пытается выявить причины данного явления и в целом призывает заняться специальным изучением проблемы, однако все его сочинения не соответствуют требованиям научного исследования. Реакция прессы на очерки Ф.В. Ливанова была соответствующей: рецензенты критиковали общий уровень его сочинений, их возмущали оскорбления в адрес крупных старообрядческих купцов.

В **третьем параграфе** рассматривается экономический аспект старообрядчества, представленный в концепции А.П. Щапова и в сочинениях его последователей.

В интерпретации А.П. Щапова старообрядческая активность в сфере торговли и ремесел была обусловлена особыми условиями, в которых приходилось выживать и сохранять свое учение данной конфессиональной общности. Одной из причин дальнейшего распространения раскола, по мнению историка, стала его экономическая привлекательность. В параграфе подчеркивается, что высказывания А.П. Щапова о хозяйственной активности старообрядцев опираются на слабую и некритичную аргументацию. Доказательная база в большинстве своем заменяется риторикой и отрывочными сведениями, почерпнутыми из различных источников. Решающее влияние на систему аргументации также оказывает демо-

кратическая позиция исследователя и его концепция истории России, в основе которой лежит противоборство двух начал – государственного и народного.

Появление экономического аспекта в концепции А.П. Щапова было обусловлено тем, что им в качестве источника привлекался отчет П.И. Мельникова «О современном состоянии раскола в Нижегородской губернии». А.П. Щапов использовал почерпнутые из этого документа сведения для описания хозяйственной деятельности старообрядцев в Нижегородской губернии: тезис об исключительном трудолюбии и хозяйственности старообрядцев по сравнению с православными; о наличии у них значительных финансовых средств; о привлекательности раскола для всех, желающих улучшить свое материальное положение; о заинтересованности местных властей в сохранении раскола. Под влиянием политической практики ограничения экономической активности раскольников и результатов правительственных исследований, историк с помощью метода ретроспекции, создавая образ старообрядчества XVII–XVIII вв., придал ему черты XIX в.

Социально-политическая концепция раскола, разработанная А.П. Щаповым, вызвала большой интерес в общественных и научных кругах. Работы Н.Я. Аристова и В.В. Андреева развивали идеи А.П. Щапова о расколе как альтернативной экономической системе, которая в большей степени соответствовала интересам народа.

В параграфе также рассмотрен взгляд представителей реформаторского народничества (И.И. Каблиця (Юзова), Я.В. Абрамова) на раскол. По их мнению, раскол есть авангард всего русского народа, а раскольники являются его лучшими представителями. Народники увидели в расколе модель конструктивного экономического устройства, способного стать альтернативой набравшему силы капитализму. И хотя приходилось признать проникновение капиталистических отношений и в старообрядческую среду, народники были убеждены в том, что сложившиеся в ней хозяйственные традиции могут если не противостоять капитализму, то, во всяком случае, смягчить его последствия.

Народники пытались реализовать крупномасштабное общественное исследование этого явления (А.С. Пругавин, Я.В. Абрамов). В предложенных исследовательских программах экономическим вопросам уделялось пристальное внимание. Однако усиление консервативных тенденций в 80-е гг. XIX в. помешало осуществлению народнического проекта по исследованию старообрядчества и сектантства. Власть стремилась вернуть себе привилегию изучения проблемы раскола, которой она «поделилась» с обществом в период либеральных реформ.

Тем самым многие актуальные вопросы, касавшиеся социально-экономической жизни раскола, так и не стали предметом специальных исследований.

Четвертый параграф анализирует концепции зарождения «духа капитализма», представленные в работах В. Зомбарта и М. Вебера. В параграфе показано, что М. Вебер не абсолютизировал духовный фактор в становлении капитализма, поэтому его позицию не следует противопоставлять марксистской. В. Зомбарт предложил многофакторную модель, согласно которой взаимодействие биологических основ, философских и религиозных идей, а также определенных социальных условий способствовало генезису капитализма. В параграфе подчеркивается, что модель М. Вебера, представленная в работе «Хозяйственная этика мировых религий», западноцентрична и призвана разрешить одну из центральных проблем творчества Вебера – феномен западного рационализма.

В пятом параграфе показано, что работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и работа В. Зомбарта «Буржуа» не вызвали большого интереса в научных и общественных кругах в России. Однако нельзя сказать, что в России проблема влияния религии на экономику совсем осталась без внимания. Разделяя представления «новой исторической школы национальной экономики» С.Н. Булгаков призывал изучать русскую хозяйственную жизнь, учитывая духовный и религиозно-этический факторы. Он указывал на актуальность изучения связи русского капитализма со старообрядчеством. Однако специальных исследований так и не появилось. И.А. Кириллов хотя и поддержал подход С.Н. Булгакова, не предложил аргументированной интерпретации данной проблемы. Вместе с тем в конце XIX – начале XX в. предпринимаются первые шаги в сфере статистических исследований, раскрывающих влияние конфессионального фактора на хозяйственную деятельность. В этих исследованиях рассматривалось положение крестьян-старообрядцев по сравнению с основным крестьянским населением и делался вывод о зажиточности первых.

Шестой параграф посвящен марксистской интерпретации раскола. Марксисты не рассматривали раскол как единое движение. Сам феномен раскола Русской Православной Церкви и дальнейшие подразделения в старообрядчестве объяснялись только классовыми противоречиями. Наиболее четко этот взгляд был выражен в докладе В.Д. Бонч-Бруевича, подготовленном ко второму съезду РСДРП.

В.Д. Бонч-Бруевич противопоставлял сектантство старообрядчеству. По его мнению, сектантство в отличие от старообрядчества предлагает новые формы общежития, оно представляет собой сознательный народный протест. Отсюда де-

лались соответствующие политические выводы: сектантство оказывалось более благодатной почвой для пропаганды.

В научном дискурсе марксистский взгляд на историю старообрядчества был представлен в «Русской истории с древнейших времен» (1910–1915 гг.) под редакцией М.Н. Покровского, главы по истории религии и церкви в которой были написаны Н.М. Никольским. Применение классового подхода позволило Н.М. Никольскому показать различие между поповщиной и беспоповщиной: если первая представляла собой изначально буржуазную организацию по своему социальному составу и идеологии, то беспоповщина была сначала исключительно крестьянским движением, однако в силу социальной дифференциации в ней впоследствии выделилось буржуазное направление. По его мнению, беспоповщина как организация первоначального накопления сыграла свою роль уже в первой четверти XIX в., но так и не стала в отличие от поповщины организацией властвующего капитала.

Во второй главе «Старообрядческое предпринимательство в советской историографии» показано, как был представлен вопрос об экономической активности старообрядцев в рамках таких направлений исторической науки, как: социально-экономическая история и история религии и церкви.

В первом параграфе рассматривается политика советской власти в отношении сектантских и старообрядческих хозяйственных организаций. В целом политика в отношении сектантов и старообрядцев отличалась двойственностью, что объяснялось отсутствием единства в партийной элите по данному вопросу. Одни в них видели проводников коммунизма в деревне, культурный элемент, трезвых, честных и трудолюбивых работников (В.Д. Бонч-Бруевич), другие рассматривали их как мелкую буржуазию (Е. Ярославский, И. Степанов). Таким образом, если в первые годы НЭПа были предприняты меры для поощрения старообрядческих и сектантских коллективов, то затем началось сворачивание данной политики, завершившееся окончательной ликвидацией сектантской кооперации.

Второй параграф посвящен тому, как изучалось старообрядчество советскими антирелигиозниками в 20–70-е гг. XX в. В параграфе показано, что в 20–30-е гг. старообрядчество мало интересовало советских исследователей, поскольку оно не являлось таким опасным врагом для советской власти, как сектантство.

Советский проект изучения религии продолжал позитивистские традиции исследований дореволюционного МВД, однако отличался, во-первых, большим масштабом, поскольку вовлекал научно-исследовательские, образовательные и

общественные учреждения, а во-вторых, вниманием именно к изучению современности.

Во второй половине 20-х – 30-е гг. утвердилась новая классификация сектантства. Последнее распалось на три группы: городскую и деревенскую буржуазию, середняков и бедняков. В рамках такой классификации религиозная специфика старообрядчества не играла практически никакой роли. Старообрядчество в работах советского антирелигиозника Ф.М. Путинцева получило название секты, поскольку термин «секта» трактовался теперь как «церковь» или «религиозная организация».

Это представление о религиозной организации нашло отражение в исследовании П.Г. Рындзюнского о московской федосеевской общине в 40-е гг. XIX в., в котором старообрядческая община была представлена как классово неоднородная организация. Безусловным достоинством этой статьи в отличие от предшествующих работ антирелигиозников было использование архивных материалов. По всей вероятности, П.Г. Рындзюнский собирался разрабатывать историю старообрядчества и сектантства XVIII – первой половины XIX в. и защитить по этой теме докторскую диссертацию, но этот исследовательский проект не был реализован.

В связи с активизацией научно-атеистической пропаганды во второй половине 50-х гг. и провозглашением курса строительства коммунизма на XXII съезде КПСС началось изучение современной религиозности, в частности современного старообрядчества. Результаты изысканий, проведенных в различных областях и республиках СССР, указывали на общий кризис и упадок старообрядчества. Однако в работах исследователей не предлагалось ни нового фактического материала о развитии старообрядчества в период капитализма, ни нового концептуального осмысления феномена старообрядчества. Старообрядчество в духе уже известной схемы представляло собой движение, вначале выступавшее против самодержавно-крепостнического строя, но затем эволюционировавшее в буржуазную организацию.

В **третьем параграфе** рассматривается, как была представлена проблема старообрядческого предпринимательства в рамках изучения истории буржуазии. В 1920-е гг. имелись благоприятные условия для изучения феномена старообрядческого предпринимательства: поворот в сторону социально-экономической истории, сохранение интеллектуального плюрализма. Однако история русской буржуазии находилась на периферии интересов историков и была представлена в основном в музееведческих и краеведческих изданиях (А. Степанов,

Б.Б. Кафенгауз). Вопрос о принадлежности некоторых представителей буржуазии к старообрядчеству появлялся в литературе эпизодически. В связи с этим статью Е.А. Звягинцева (О. Рустика), так же как и более позднюю работу П.Г. Рындзюнского, можно считать историографическим казусом.

В 1940–50-е гг. в советской историографии активно разрабатывалась история крестьянской промышленности второй половины XVIII – начала XIX в. (Н.Л. Рубинштейн, К.Н. Щепетов, И.В. Мешалин, А.М. Разгон). Этот вопрос был весьма важен в свете дискуссии о генезисе феодализма и капитализма в России. Среди персоналий крестьян-фабрикантов, которые рассматривались историками, встречались и старообрядцы. Однако обобщающие и специальные работы, касавшиеся истории купечества и буржуазии, представляли историю капитала, его генезис и эволюцию от одной формы к другой, но никак не историю личностей, создававших этот капитал.

В 1960–70-е гг. пересмотр проблемы экономических предпосылок Октября в советской историографии дал толчок изучению истории российской буржуазии. На смену обобщениям и иллюстративному подходу приходит индивидуализирующий подход и генеалогия. В поле зрения историков попадают не только вопросы формирования класса буржуазии, виды ее экономической деятельности, но и ее классовая психология. Хотя проблема старообрядческой буржуазии не рассматривалась исследователями специально, она, пусть и латентно или в форме критики идей М. Вебера и западной историографии, но все-таки присутствовала в советском научном дискурсе.

В третьей главе **«Старообрядческое предпринимательство в российской историографии 1990-х – 2000-х гг.»** анализируется, как в контексте социально-экономических изменений и новых тенденций в российском гуманитарном знании актуализировалась проблема старообрядческого предпринимательства.

В первом параграфе показано, что с 1970-х гг. происходит возрождение интереса к наследию М. Вебера, в частности к его работам по социологии религии. В начале 1990-х гг. утвердилась точка зрения, высказанная еще в 1920-е гг. А.И. Неусыхиним, согласно которой концепция Вебера не являлась опровержением материалистического подхода. В новых экономических условиях 1990-х гг. идеи немецкого социолога о типах капитализма и капиталистической этики оказались востребованы российскими интеллектуалами в их размышлениях о настоящем и будущем российского капитализма.

Во **втором параграфе** рассматривается конструирование прошлого российского предпринимательства в работах экономистов и исторической публицистике с точки зрения влияния на него православия. В литературе высказывалось мнение о высокой нравственности российского предпринимательства по сравнению с западным (В.А. Писемский, Ю.Н. Калашнов, А.А. Соболевская). Однако не все исследователи соглашались с этим (Г.Д. Гловели, Н.Н. Зарубина). Особое место в дискуссии о традициях российского предпринимательства отводилось старообрядчеству. Исследователи проводили аналогию между Расколом и Реформацией, старообрядчеством и протестантизмом и их ролью в развитии капитализма. Дискурс о российском, в том числе и старообрядческом предпринимательстве, формировался преимущественно на основе дореволюционной историографии и фрагментарных источников (мемуаров представителей русской буржуазии и литературных произведений).

Третий параграф посвящен исследовательской практике изучения истории российского предпринимательства. В историографии 1990-х гг. наметились два новых подхода: исследование биографий предпринимателей и историй предпринимательских родов, а также исследование предпринимательского менталитета. Конкретные исследования историков в этой области разрушали стереотипы, сложившиеся как в научной, так и в публицистической литературе относительно влияния старообрядчества на формирование предпринимательской этики и высокой нравственности российских предпринимателей. В параграфе сделан вывод, что потенциал истории ментальностей не был в полной мере реализован в области изучения истории предпринимательства. Использование понятия «менталитет» зачастую не сопровождалось применением соответствующих методов для его реконструкции.

В **четвертом параграфе** рассматривается разработка проблемы старообрядческого предпринимательства в контексте изучения истории старообрядчества. Стремясь представить именно «коллективный портрет» старообрядческого предпринимательства, а не «галерею» его видных представителей, историки на основе репрезентативной источниковой базы предприняли историко-статистические исследования (А.Д. Шемякина, З.В. Гришина, В.П. Пушков, А.В. Стадников, Д.Е. Расков). В частности, специалисты по XVIII в. стали разрабатывать вопрос о доле купцов-старообрядцев в посадском населении XVIII в. (Н.В. Козлова, И.Н. Юркин). Характерной чертой историографии старообрядчества стало появление значительного количества диссертаций, посвященных истории старообряд-

чества определенного региона. Хотя вопрос старообрядческого предпринимательства затрагивался в региональных трудах, комплексного исследования не предпринималось. Зачастую работы историков страдают иллюстративностью. В итоге автор диссертации приходит к заключению о перспективности регионального подхода, однако признает, что его потенциал далеко еще не раскрыт.

В пятом параграфе анализируются работы Т.А. Хохловой, Д.Е. Раскова и В.В. Керова, в которых комплексно изучался феномен старообрядческого предпринимательства. В исследовании Т.А. Хохловой делается вывод о том, что старообрядчество в целом способствовало развитию рыночного уклада в России, однако автор работает на уже известных источниках и не предлагает теоретической модели для осмысления роли старообрядчества в становлении рыночного уклада. Ценность работы Д.Е. Раскова заключается в том, что он большое внимание уделяет выработке теоретического подхода. Оптимальным для осмысления феномена старообрядческого предпринимательства, по мнению Д.Е. Раскова, является неинституциональный подход. В исследовании утверждается, что только взаимодействие мировоззренческих изменений с социально-политическими может привести к появлению конфессионального предпринимательства. Наибольший интерес в диссертационном исследовании Д.Е. Раскова представляет раздел, посвященный вкладу старообрядцев в развитие текстильной промышленности в центральном регионе. На основе анализа статистических материалов автор пришел к выводу, что расцвет старообрядческого предпринимательства пришелся на 30–60-е гг. XIX в. Однако в 70-е гг. XIX в. начался спад, связанный в основном с изменениями экономической конъюнктуры, которая требовала уже иных социальных и культурных норм. Таким образом, была обозначена проблема ограниченного потенциала старообрядческого предпринимательства.

Впервые в историографии В.В. Керов специально рассмотрел конфессионально-этический фактор старообрядческого предпринимательства. Им были актуализированы современные теоретико-методологические подходы. Вслед за М. Вебером российский историк отказывается от абсолютизации религиозного фактора и призывает также не абсолютизировать выявленные в ходе его исследования связи, поскольку предложенная им модель «представляет реальность в определенных главных аспектах»⁹.

⁹ Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004. С. 98.

В.В. Керов полагает, что в старообрядчестве сложился новый тип личности и религиозности, который соответствовал нормам современного общества. Для старообрядчества был характерен вероисповедный активизм, личная ответственность, религиозный рационализм, методизм и мирская аскеза. Большую роль в формировании этих черт старообрядчества сыграли характерные для него сильные эсхатологические переживания. Предпринимательская деятельность рассматривалась в старообрядчестве как душеспасительное занятие, но только в том случае, если ее результаты были направлены на сохранение истинной церкви. В работе показано, что для предпринимателей-старообрядцев, так же как и для предпринимателей-протестантов дело являлось самоценным. Но «в отличие от протестанта старообрядец не мог быть уверен в спасении..., но мог служением Богу – своим делом – попытаться снискать его»¹⁰.

В параграфе делается вывод, что В.В. Керов продолжил исследовательский проект М. Вебера по изучению роли религии в развитии хозяйственной этики. Российскому историку удалось показать специфику старообрядческой этики по сравнению с протестантской, реализовав принципы истории ментальностей.

В **заключении** подводятся итоги работы. Результаты диссертационного исследования показали, что только в 1990-е–2000-е гг. сложились благоприятные социально-политические и интеллектуальные условия, способствовавшие целостной научной презентации старообрядчества как экономической общности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эмпирический образ старообрядческого предпринимательства в российской историографии за период с середины XIX до начала XXI в. не претерпел заметных трансформаций. Изменялись лишь формы презентации этого феномена. Исследовательские характеристики предпринимателей-старообрядцев, факторы, способствовавшие формированию старообрядческого предпринимательства, во многом сохранялись. Это объясняется тем, что современной российской историографии пришлось заново осваивать дореволюционную историческую мысль и источники, опубликованные еще во второй половине XIX и начале XX в. Интеллектуальным завоеванием 1990-х – 2000-х гг. стало лишь специальное изучение конфессионального фактора старообрядческого предпринимательства.

Представляется, что в изучении старообрядческого предпринимательства нельзя останавливаться на достигнутом. Модели, предложенные Д.Е. Расковым и

¹⁰ Керов В.В. «Се человек и дело его...»... С. 532.

В.В. Керовым, требуют эмпирической конкретизации и проверки. Однако только архивные изыскания не обеспечат получение качественно нового знания. Необходим поиск новых теоретико-методологических подходов: весьма перспективным в этой связи представляется развитие региональных и микроисторических исследований, в которых был бы реализован принцип насыщенного описания. Развитие региональных исследований тем более важно, что в центре внимания исследователей были в основном Московский регион и Выговская пустынь. Перспективным также представляется проведение компаративистских исследований, в которых старообрядческое предпринимательство рассматривалось бы не изолированно, а в сравнении с другими предпринимательскими группами России. Это позволило бы более подробно изучить проблему ограниченного потенциала старообрядческого предпринимательства. Следует также вернуться, но уже на качественно ином, современном исследовательском уровне к проблеме взаимоотношения социальных слоев в старообрядчестве. В этом вопросе важно, с одной стороны, уйти от очернения буржуазии, которое было характерно для советской историографии, а с другой стороны – от ее идеализации, которая была присуща 90-м гг. XX в.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. *Архипова Е. А.* Купцы-старообрядцы и чиновники: из истории бюрократизма и взяточничества в царствование Николая I // Новый исторический вестник. – 2010. – № 3 (25). – С. 41–48. (0,5 п.л.).
2. *Архипова Е. А.* Формирование экономической концепции старообрядческого движения в трудах А. П. Щапова // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». – 2011. – № 12 (74). – С. 25–37. (0,9 п.л.).
3. *Архипова Е. А.* Из истории изучения роли старообрядцев в развитии экономики России (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». – 2012. – № 4. – С. 240–247. (0,46 п.л.).
4. *Архипова Е. А.* М. Вебер в пространствах российского гуманитарного знания XX в. // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». – 2013. – № 1. – С. 155–165. (0,5 п.л.).

Прочие публикации:

5. *Архипова Е. А.* Старообрядчество в отчетах чиновников Министерства внутренних дел Российской империи // Государственные учреждения России XX–XXI вв. : традиции и новации : мат. всерос. науч. конф., посвященной памяти проф. Н. П. Ерошкина. Москва, 30 янв. 2008 г. / сост. Л. Д. Шаповалова, М. А. Андреев. – М. : РГГУ, 2008. – С. 248–253. (0,3 п.л.).

6. *Архипова Е. А.* Программа Н. И. Надеждина по изучению раскола, или наука на службе МВД // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : мат. XXII межд. науч. конф., Москва, 28–30 янв. 2010 г. – М. : РГГУ, 2010. – С. 134–136. (0,15 п.л.).

7. *Архипова Е. А.* П. Г. Рындзюнский – исследователь социально-экономической истории старообрядчества // Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 11, № 2. – С. 79–90. (0,6 п.л.).

8. *Архипова Е. А.* История российского предпринимательства в историографическом дискурсе 90-х годов XX в. // Будущее нашего прошлого : мат. всерос. науч. конф., Москва, 15–16 июня 2011 г. – М. : РГГУ, 2011. – С. 33–43. (0,4 п.л.).

9. *Архипова Е. А.* Антирелигиозная пропаганда и изучение старообрядчества в 20–30-е гг. XX в. // Старообрядчество : история, культура, современность : мат. X межд. науч. конф., 15–17 нояб. 2011 г., г. Москва. – Т. II. – М. : [Б.и.]. – С. 30–38. (0,46 п.л.).

10. *Архипова Е. А.* Экономический социум старообрядцев в дискурсах второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в. : сб. тр. молодых ученых / отв. ред. А. С. Усачев ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Фак-т истории, политологии и права, Каф. истории и теории ист. науки. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. – С. 7–76. (4,7 п.л.).